

МЫ НЕ УМЕСТИМСЯ В СЕБЕ

ЦИКЛ, 2022 Г.

Посвящается Виктории Шабановой

АЛЕНСЕЙ ЧЕРНИКОВ

Родился в 2003 году в Архангельске. Первые стихи написал в возрасте восьми-девяти лет, а опубликовался впервые в семнадцать. В то же время был исключен из гимназии. Формально не имея даже школьного образования, работает журналистом. Участник и стипендиат 21-го Международного форума молодых писателей.

* * *

Голубоглазая судьба фальшивой бабочкой летала,
пустышкой, вспышкой, маятой, ничем, что стоило б чернил.
Она смотрела на тебя глазами, полными металла,
пока я сочинял себя и все-таки не сочинил.

Нет, я не Лермонтов. Гляди, как подо мной рассыпан гравий:
знать, в белом смокинге гора не удержала на плече
безжизненного мотылька, лавину автобиографий,
мое притворство над водой в ее породистом ключе.

Поймай меня в любой сачок, когда я говорю красиво,
когда спасибо не скажу и усиком не поведу.
Заставь кривиться и краснеть, как злую линию курсива,
вранье заставшую врасплох в моем искусственном аду.

Голубушка, тоска моя, мне не нужна свобода слова,
давай не станем говорить, но просто на руки возьми
меня, как воду из ключа, и пожелай конца такого,
чтоб можно было досчитать еще хотя бы до восьми.

И я за эти восемь, семь... – я вынырну к другим покровам, –
четыре, три... – из нелюбви и самозванства нишеты.
И в молоке души смешной и тела киселе багровом
оттают новые, мои, забывшие себя черты.

* * *

Забери мое право на вдох,
оголи до простого скелета.
В чередѣ уважаемых вдов
будешь первой на целое лето.

Это дольше, чем то, что смогу
сочинить за всю жизнь для обоих,
существуя в узорном рагу
на вульгарных цветочных обоях.

Голос вычурный мне запрети,
сократи мой сценический номер.
Я посредственно жил во плоти,
но с тобою талантливо помер.

Не храни меня, а хорони.
Поза классика прозой дотлела.
– Это ангелы?
– Это они.
Я теперь не писатель, а тело.

Это подвигом стало моим
и семейным бессмертием нашим,
гениальностью, данной двоим
под венцом с мендельсоновым маршем.

Остается империя злой.
Продаются молитвы и свечи.
Прут стихи сквозь озоновый слой
и плюют на дела человечьи.

Я хотел быть поэтом Айги.
Ждет меня не овчарня, а псарня.
Убережь мне в себе помощи
восемнадцатилетнего парня.

* * *

Чем проще вещество, тем тень его светлее,
чем фон вокруг темней, тем ярче негатив.
Есть книжка о любви про темные аллеи –
там человек живет и, смерть опередив,
не знает сам, зачем ему такая роскошь.
Крестообразна тень его любовных дел.
И он распят на ней, и как ее отбросишь? –
ту сырость, темноту, которой не хотел.

Она, как чешуя, как хвост, неотделима
от всех его следов присутствия внутри
побега, духоты, раскаяния, грима,
десятилетий сна, которых не сотри; –
герой останется заложником, добычей.
Его не увезут такси и поезда...
...Есть тень у памяти. У тени есть обычай:
от вещи отлипать, когда она пуста.

Но памяти станок не умещает навык
сточить в себе свои большие шестерни.
И человек живет. Все время криво, набок,
как в негативе, – как его ни разверни.

Графитный и сырой, разбит предельный воздух.
Горящие кусты, как кадры, мельтешат.
Слезится человек. Полезен в малых дозах
холодного дождя глухонемой ушат.

Чем жестче человек, тем более ухватист
за тень свою, – твердит из темноты аллея
лауреат и сноб, сложив любви акафист. –
Чем проще вещество, тем тень его светлей.

* * *

1.

Удачная любовь напоминает дрему
в отравленной воде, в удобном лежаке,
обильна, как молва, по весу и объему,
с лукавой ямочкой в породистой щеке.

Купальщица, она всплывает на прилавок –
порядочный товар для справедливых глаз.
Так бабочка летит на острия булавок
в коллекцию смертей, под стекла, напоказ.

Не вздумай остеречь терпением щенячьим
моей свободы, прочь ушедшей из мещан.
Мы значили бы то, что мы себя не значим,
когда простили бы друг другу всяк изъян.

2.

Уж нет войны с тобой, но я кажусь убитым.
Посуда на боку уснула. Ты ушла.
А все, что связано с нерукотворным бытом, –
зашиито для тебя и не имеет шва.

Ты все еще спешешь и снова ходишь в женах.
Полезен статусу вменяемый жених!
А бережет ли Бог больших и береженных,
не пережеванных и даже не блажных?..

3.

Я выдохнул в стекло и выдоха не вытер.
Пониже отражен губной помады шквал.
Пускай бы сочинил какой-нибудь кондитер
удачную любовь для нас из тех зеркал.

И твой бы мне сказал двойник: со мной не лайся!
А мой ответил бы: давай-ка раздвоим

осколком зеркала условие баланса
меж соглашением в нас и подвигом моим.

И мой оригинал творил бы здесь такое!.. –
с той стороны стекла, твердя: не навреди
хрестоматийному изяществу покоя –
пародии на тот, который впереди.

Я нас двоих спасу, а мы умрем всего лишь,
но сгладим все углы в своих гробах сперва.
Прости меня за то, что ты меня неволишь,
а я тебя прощу за то, что ты права.

* * *

Что останется, если от тела отлипнет обертка?
Некрасивая красная мякоть, как глупый цветок,
вся – наружу, навывлет, – как сахар, не обороняясь
от своей пустоты и от жарких чужих языков,
тает, сыпется, но остается в единстве с собою.
Потому что и эти шершавые знойные рты,
эти смерти, которые входят в любые обертки, –
только части трамплина: рожденный родится опять.

...Я не прячу тебя в закоулках удобной обиды
и тем более не унижаю ни памятью, ни
ожиданием нового чуда, ни просьбой вернуться.
Ты и так никуда не пропала, мой атомный взрыв.
Эти цифры, которые мы провели друг над другом,
ничего и не значили (если, конечно, не с них
начинать настоящее – то, что всегда). Это время
не умеет сосчитанным быть, тут грамматике – шиш.

Ты не куст, но цветенье само и физический импульс,
не скульптура, а взмах над камнями, возможность, процесс.
Человек не вмещается в сделаное постоянство.
И пружины, растущие прямо из наших пупков,
всё вокруг зацепили задолго до наших рождений.
Оттого и себя узнаём, натываясь впотьмах,
репетируя жизнь, на другого. И долго вслепую,
как цепочки, звеним, если хочется вдруг разойтись.

Этой маленькой смертью не кончится жизнь для бутона.
За возможность распасться на новую мякоть и свет
он энергию переработал и стал водомеркой
через тысячу лет. Он настолько проникся тобой,
что ему только воду по капле измерить осталось.
Все иное для умного тела его – пустяки.
Если это любовь – дай мне вновь от себя отказаться.
Я есть ты. Все различия – повод дойти до любви.